

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

А.В. Павловская

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ. ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; annapavl@mail.ru*

Аннотация. Иностранные языки всегда занимали заметное место в России и русской культуре. Несмотря на кажущуюся отрезанность от внешнего мира, Россия во все времена была тесно с этим миром связана. И не только закономерными торговыми и политическими отношениями, но и духовными, и культурными связями. Первым значительным поводом для распространения иностранных языков в обществе стало принятие христианства, принесшее не только новую веру, но и греческий язык вместе с богословскими книгами. Вся последующая история становления и развития страны, все ключевые исторические эпохи и события в России тем или иным образом связаны с внешним миром, в первую очередь с европейским — даже в тех случаях, достаточно нередких в русской истории, когда этот мир отвергался, критиковался и считался неизбежным злом, от которого предпочтительно было отгородиться каким-нибудь занавесом. С течением времени все новые иностранные языки распространялись в обществе, иногда даже вступая в борьбу: латинский с греческим на богословском поприще, немецкий с французским — на политическом, французский с английским — на литературном. В отдельные исторические периоды, например, в первой половине XIX в., иностранные языки даже потеснили родной в определенной общественной среде, стали поводом для волнений относительно потери национальной идентичности. А порой, как в советское время, приобретали статус «мертвых», становясь исключительно данью традиции и средством для чтения. Однако всегда сохраняли важную роль, открывая русскому человеку новые горизонты и связывая его с окружающим миром.

Ключевые слова: русская культура; межкультурная коммуникация; история образования; национальные менталитеты; взаимодействие культур; иностранные языки

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-11

Павловская Анна Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; annapavl@mail.ru.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Павловская А.В. Иностранные языки в России и проблемы национальной самобытности. Из истории российского образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 141–154.

Уже ко второй половине XVIII в. иностранные языки в высшем обществе становятся не только распространенным способом общения, но и начинают теснить родной. Уже в 1803 г. в Петербурге издается трехтомный «Новый словотолкователь... содержащий в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно» (автор Н.М. Яновский). В нем, в числе прочего, отмечается, что многие иностранные заимствования в России быстро наполняются «русским» содержанием. Так, в словарной статье «Клоб или клуб» говорится о том, что «в Англии под сим именем разумеются общества людей, собирающихся вместе в известные положенные дни для рассуждения о делах государственных, для собрания мнений и составления адресов, приличных обстоятельствам, а у нас общества, составляющиеся единственно для забавы и препровождения времени с приятностью и удовольствием» [Яновский, 1803: 863]. Русская почва легко переваривала иностранные заимствования, переделывая их на свой лад. Но проблема засорения родного языка все равно оставалась долгое время крайне актуальной.

В екатерининскую эпоху дворянин, по меткому выражению того же Ключевского, «...чужой между своими, старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, как на случайно родившегося в России француза» [Ключевский, 1990: 167].

Засилье иностранных языков в русском обществе, чрезмерное увлечение ими постоянно подвергались критике и насмешкам. Еще в 1750-е годы А.П. Сумароков писал: «Есть-де некто г. Тауберт: он смеется Бецкому, что робят воспитывает на французском языке. Бецкий смеется Тауберту, что он робят в училище, которое недавно заведено при Академии, воспитывает на языке немецком; а мне кажется, и Бецкий, и Тауберт оба дураки: должно детей в России воспитывать на языке российском» [Соловьев, 1994: 542].

Русское общество продолжало достаточно критически относиться к увлечению иностранными языками. Так, Н.В. Гоголь со свойственной ему меткостью писал в «Мертвых душах»: «...читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядоч-

ного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии; а вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе» [Гоголь, 1959: 171].

Многие восставали против чрезмерного увлечения иностранными языками, считая даже, что они уродуют даже внешность. Так, В.Ф. Одоевский в повести «Княжна Мими» в 1834 г. писал: «Знаю я, что французский язык начинает выходить из употребления, но какой нечистый дух шепнул вам заменить его не русским, а проклятым английским, для которого надо ломать язык, стискивать губы и выставлять нижнюю челюсть вперед? А с этой необходимостью, прощай хорошенький ротик с розовыми, свежими славянскими губками! Лучше бы его не было!» [Одоевский, 1844: 330].

Обилие комических франкофилов в литературе конца XVIII – начала XIX в. говорит не только об их существовании, но и о том негодовании, которое они вызывали в обществе, презрении, стремлении вскрыть язву, остановить дальнейшее ее распространение. К тому же это были крайности, а в целом знание иностранных языков и культур, чтение литературы расширяло горизонты мировосприятия, оттачивало ум, приучало к систематическому интеллектуальному труду.

О спокойно-прагматичном отношении к французскому языку среди молодежи говорит письмо юного лицеиста, однокашника Пушкина, будущего канцлера Российской империи А.М. Горчакова (1798–1883), писавшего своему дяде А.Н. Пещурову 14 августа 1815 г.: «Приятно мне очень видеть из вашего письма, любезный дядюшка, что вы хотите из французелюбца (за которого вы меня почитаете) сделать русского, но позвольте заметить, что тут вы немного ошибаетесь; люблю французский язык, потому что он теперь в обществе необходим, что, – конечно по злоупотреблению – сделался волшебною палочкою, по мановению которой каждый толстый швейцар с почтением отворяет двери и милости просит, что без него нигде показаться нельзя и что, словом, он сделался вернейшим признаком хорошего воспитания. Но я к нему не пристрастен до той степени, чтобы пренебречь отечественной словесностью...» [Горчаков, 1999: 96].

В начале XIX в. входит в моду английский язык, а вместе с ним английская культура и мода, а следом за ними английские гувернеры и гувернантки, а также няньки. Добродушно смеется Пушкин над английской гувернанткой Лизы, дочери англомана Муромцева

из «Барышни-крестьянки». Эта мисс Жаксон, «сорокалетняя чопорная девица, которая белилась и сурьмила себе брови, два раза в год перечитывала “Памелу”, получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в *этой варварской России*», «набеленная, зятая, с потупленными глазами и с маленьким книксом», вреда от нее не было, но и пользы воспитанию своей подопечной она тоже не приносила. Лиза скорее воспитывалась природой, девичей, книгами, а английская мисс была данью моде и увлечениям отца.

А вот реальный случай из жизни, прекрасная иллюстрация того, каким барьером порой являлся иностранный язык для разных социальных слоев русского общества. Никита Муравьев, будущий декабрист, в 1812 г. ребенком бежал из дому, чтобы поступить на военную службу, но «так как он говорил в детстве только на английском и на родном языке изъяснялся, как иностранец, то его крестьяне приняли за француза и представили Ростопчину. А тот возвратил его матери» [Керн, 1989: 123].

И все-таки именно французский язык оставался подлинным властителем дум русского дворянства; влияние его не ослабело и в годы нашествия Наполеона, показывая, что политические события далеко не всегда напрямую влияют на духовную жизнь общества. Владение им русским дворянством достигло удивительных высот. Пушкинская провинциалка Татьяна «по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалася с трудом / На языке своем родном». Толстой в «Войне и мире» пишет, что князь Василий Курагин «говорил на том изысканном французском языке, на котором не только говорили, но и думали наши деды...», а его сын князь Ипполит «...начал говорить по-русски таким выговором, каким говорят французы, пробывшие с год в России» [Толстой, 1973: 8, 30].

Свободное владение русскими французским языком вызывало неизменное восхищение иностранцев. Ф. Ансело (1794–1854), французский поэт и драматург, чьи пьесы и водевили шли и в Париже, и в России, побывал в России в 1826 г. в составе французской делегации для участия в коронационных торжествах. Воспоминания его не в последнюю очередь основаны на записках его предшественников, вместе с тем достаточно умеренны в оценках варварской страны. Он даже позволяет себе приятно поразиться отдельными достижениями жизни русского общества, в особенности уровнем владения иностранными языками. Вот что он пишет об увиденном, позволяя себе даже небольшую полемику со своими предшественниками, на мнении которых частенько основываются его «впечатления»: «Некоторые путешественники... писали о невежестве российских женщин. <...> У большей части из них я нашел разносторонние познания, соединенные с исключительной тонко-

стью ума, часто близкое знакомство с различными европейскими литературами и изящество в выражении мыслей, которому позавидовали бы многие француженки. Более всего это присуще молодым барышням, из чего можно сделать вывод, что в нынешнем веке образование женщин в России приняло новое направление и то, что было верно тридцать лет назад, сегодня не соответствует действительности. В Петербурге можно встретить девушек, с равной легкостью изъясняющихся по-французски, по-немецки, по-английски и по-русски, и я мог бы назвать и таких, которые пишут на этих четырех языках слогом редкой верности и изящества. Возможно, эта обширность познаний и нравственное превосходство юных дам и объясняют невнимание к ним молодых людей и нежелание приближаться к ним». Этот родной брат грибоедовского «французика из Бордо» даже сетует на то, что нашел в России слишком мало национальной экзотики: «Наша национальная гордость должна быть польщена этой честью, оказываемой нашему языку, литературе и обычаям, но, оценивая эту систему с философской точки зрения, не найдем ли мы в ней грубейших изъянов? ...Конечно, мой друг, я должен признать, что французскому путешественнику приятно обнаружить за семьсот лье от родины манеры, язык и даже шутки Франции. Но за этим ли я ехал в Россию?..» [Ансело, 2001: 57–58]

Восхищается русскими дамами и достаточно критически оценивающий российскую действительность Александр Дюма. Во время путешествия на пароходе по Волге он познакомился с тремя дамами – женой гарнизонного офицера в Баку, женой морского лейтенанта, дочерью генерала. «Все три дамы, – сообщает французский писатель, – говорили и писали по-французски, как француженки. <...> Эти дамы... были не только прекрасно образованы и воспитаны, но еще и весьма осведомлены в нашей литературе. <...> Просто невероятно, насколько были точны и справедливы оценки и суждения о наших выдающихся людях, причем оценки интуитивные, этих молодых женщин, из которых старшей было не более двадцати двух лет!» [Дюма, 1993: 269]

Отдавали пальму первенства русским в знании иностранных языков и представители других культур. Так, один потрясенный американский путешественник поведал американскому читателю во второй половине XIX в. о встреченной им русской семье, младший сын которой, десятилетний мальчик, свободно говорил на четырех языках – русском, французском, немецком и английском. Американцы, сами имевшие мало склонности к изучению языков и довольствовавшиеся английским дома и за границей, порой впадали в простительное преувеличение относительно повсеместного распространения знания иностранных языков во всех социальных

слоях русского общества. Американская женщина-астроном Мария Митчелл отмечала, что даже простой народ редко знает всего один иностранный язык, и приводила для убедительности в качестве примера торговца и извозчика, встреченных ею в Петербурге и сносно объяснявшихся с ней (тот факт, что, видимо, сидевший на бойком туристическом месте продавец и возивший иностранцев извозчик овладели лингвистическими азами, необходимыми для их профессии, ничего не менял для нее в общей картине) [Brockett, 1877; Mitchell, 1896]. Впрочем, не стоит преувеличивать повсеместность свободного владения языками, в том числе и французским. Даже пишущая исключительно на французском Татьяна с ее «русскою душою» живет, чувствует и ведет себя совсем не по-французски. К тому же есть большое сомнение в том, что и ее сестра Ольга столь же в совершенстве владела этим иностранным языком. Говорила на нем больше столичная аристократия, для многих знание его сводилось к пушкинскому «Я не могу dormire в потемках».

Итак, в XIX в. иностранный язык в России прежде всего был связан с воспитанием, модой, светской жизнью, живым общением, в том числе и между соотечественниками, служил показателем принадлежности к избранному обществу. Если книга была своеобразным «объединителем» русского общества, то иностранный язык, совершенно очевидно, стал его «разъединителем». Значительную роль сохранял он и в системе образования. Греческий и латинский языки продолжали оставаться непременной частью высшего и университетского образования. Увлечение русских гимназий древними языками в различные моменты истории XIX в. уже было представлено выше. Европейские языки оставались вспомогательными средствами овладения знаниями, хотя их место в процессе образования значительно понижалось с течением времени. Так, в высших учебных заведениях не было отдельного преподавания языков, так как предполагалось, что студенты уже владеют ими в совершенстве, что подтверждалось вступительным экзаменом. А.С. Пушкин даже предлагал сократить их изучение в гимназии, поскольку большинство учащихся приобретало знание их гораздо раньше. «Кажется, однако ж, что языки слишком много занимают времени, – писал он в заметке об образовании, составленной по поручению Николая I. – К чему, например, 6-летнее изучение французского языка, когда навык света и без того слишком уж достаточен?» [Пушкин, 1949: 46]

Постепенно со второй половины XIX в. в русском обществе складывается более спокойное и взвешенное отношение к иностранным языкам. Они по-прежнему являются неизменным атрибутом образа хорошо воспитанного светского человека, непременной составляющей образования, способом знакомства с мировой литературой,

а также фактором, разделяющим различные слои русского общества (в системе народного образования вопрос об овладении иностранными языками никогда не ставился, видимо, слишком губительным казалось их влияние на людские души).

Значительные, на первый взгляд, перемены в отношении к иностранным языкам произошли после революции 1917 г. Первое время они, как и многое другое, воспринимались как явление чуждое народным массам, буржуазное и враждебное. Пролетарии всех стран, подобно «негру преклонных годов» из стихотворения Маяковского, должны были сами выучить русский язык для общения с народом Советского государства. Но постепенно необходимость изучения иностранных языков, сначала на университетском уровне, а затем и более широко, становилась очевидна. В 1925 г. в МГУ была организована кафедра романо-германской филологии, что ознаменовало поворот к серьезному научному подходу к иностранным языкам. А перед войной, не без политической подоплеки, разворачивается изучение иностранных языков, в первую очередь немецкого, и в средней школе после войны он становится обязательной частью школьной программы. И вновь мы сталкиваемся с уникальным отношением к иностранному языку – при полной оторванности от мира, отсутствии на повседневном уровне каких бы то ни было живых контактов с иностранцами государственная политика продолжает оказывать поддержку иностранным языкам, и они становятся важнейшей частью советской системы образования, причем как высшего, так и среднего.

Иностранные языки в советский период впервые становятся достоянием широких масс. Смысл овладения ими далеко не всегда и не всем был понятен, скорее это воспринимается как некая абстрактная неизбежность. Разговаривать на нем вряд ли придется, а лучшие произведения мировой литературы давно были переведены и продолжали переводиться на русский. Живую картину восприятия иностранного языка дает советский писатель Валентин Распутин. 1948 год, глухая сибирская деревня, голодное послевоенное детство, мать, отдающая последнее, и сын, отправленный в районный центр учиться в среднюю школу, талантливый и самоотверженный, наконец, учительница французского языка, жалеющая независимого подростка и старающаяся ему помочь, – таков сюжет рассказа «Уроки французского». Французский язык – единственный камень преткновения для деревенского мальчишка в школе, может быть, именно в силу некоторой туманности цели изучения этого предмета. Особенно трудно дается ему произношение, которое «с головой выдавало... ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если

вообще подозревал об их существовании». Французский язык превращается для него в настоящее мучение: «Ну зачем еще, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же “о”, например, в слове “beaucoup” (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристомом пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного». Интересно, что, несмотря на отдаленность от западной культуры, у сибирского школьника есть свое отчетливое, хотя и малообъяснимое, восприятие иностранного языка, причем дифференцированное. Так, он говорит, что «всегда придерживался мнения, что девушки, изучающие французский или испанский язык, становятся женщинами раньше своих сверстниц, которые занимаются, скажем, русским или немецким» [Распутин, 1984: 292, 307, 308].

Уже к 1970-м годам иностранные языки стали неотъемлемой частью системы советского образования. Чему, кто и как учил в масштабах огромной страны – это вопрос отдельный, но сам факт обязательного обучения во всех отдаленных уголках и весях вполне характерен. Знаменитый советский педагог В.А. Сухомлинский, рассказывая о программе своей образцово-показательной школы, писал: «Значительное место в умственном воспитании принадлежит иностранному языку. Нашим идеалом является то, чтобы ученики чувствовали живое слово иностранного языка, вкладывали в изучаемые ими слова и словосочетания те представления, чувства, мысли, которые вложил в них народ. Воспитательную роль иностранного языка мы видим и в том, чтобы слово языка другого народа жило в мысли ребенка, чтобы для осознания смысла прочитанного или услышанного не всегда требовался перевод. Вот почему мы стремимся к тому, чтобы словами и словосочетаниями дети овладевали путем живого общения, разговора» [Сухомлинский, 1980: 237–238]. Иностранные языки тоненькой нитью связывали советских людей с внешним миром, давали ощущение причастности к общему мировому процессу.

Говоря об иностранных языках, нельзя обойти важнейший вопрос, связанный с их изучением: их влияние на национальную самобытность. Язык, а особенно культура, проводником которой он является, не могут не оказывать воздействие на национальную культуру, особенно когда увлечение ими достигает таких огромных размеров, как это порой происходило в России. Это прекрасно осознавалось во все времена и не могло не волновать [Бельчиков, 2007; Загряжкина, 2020; Тер-Минасова, 2016]. Деятель народного просвещения, поэт и переводчик, издатель и государственный деятель, знаток иностранных языков И.И. Мартынов (1771–1833) в речи, про-

изнесенной в Российской академии в 1807 г., обращал внимание на опасность, которую таит в себе чрезмерное увлечение иностранными языками. Он подчеркивал: «...будущий воин, судья, градоначальник, министр сограждан своих прежде готовится хорошо говорить с французом, нежели с своим единоземцем; обращает чуждый язык в природный, обременяет память нерусскими выражениями, тогда как рассудок его долженствовал бы возрастать умножением познаний и чувствований, преданных общественной пользе. <...> Известно, сколь велико влияние языков на нравы! Доказательство сего видим в собственном Отечестве нашем. Вместо твердости и правоты характеров, россиянину свойственных, в воспитаннике француза видим только изнеженность, привязанность к мелочам, легкомыслие, лживость, беспечность в исполнении должностей, хладнокровие к своим соотечественникам, родным, не получившим модного воспитания, ложное понятие о просвещении. Все приемы в обращении, все наклонности, привычки, страсти, – словом, весь таковой гражданин России становится гражданином иностранным» [Мартынов, 1856: 37–38]. Ему вторил С.П. Шевырев: «Русский человек стал легко превращаться во француза, немца, англичанина и т.п.» [Шевырев, 1987: 344].

Как известно, в разные периоды в России приобретал центральное значение то один, то другой язык, в зависимости от целого комплекса причин. Вместе с языком проникали и привычки других народов. И.Ф. Богданович (1758–1831), выпускник Московского университета, много лет прослуживший городничим в г. Сумы, ставший впоследствии сумским уездным предводителем дворянства, написавший на досуге книгу «О воспитании юношества», ввиду малого тиража ставшую немедленно библиографической редкостью, человек, очевидно, уважаемый, но не оставивший в истории большого следа, был крайне возмущен такого рода «ветреностью» русских. «Давно ль было это время, когда во всем мы подражали немцам? – с горечью вопрошает этот почтенный житель г. Сумы. – Пользуясь их сведениями, мы воспитывали детей наших по их форме, старались быть хладнокровны, как они, и в самых даже безделках мы хотели германиться. Их стол, обхождение, кривлянье в танцах – все называлось у нас изящным.

Но коль скоро появились французы, исчезло очарование. Их веселый нрав, свободное обхождение, скорые и острые выдумки, проворство и гибкость вскружили всем головы. Всяк хотел иметь учителем француза, всяк хотел сделать детей французами. <...> Мы желали, чтоб воспитание произвело чудо – чтоб мы от оригиналов не были различны.

...Через несколько лет... исступление умалилось. Мы начали прилепляться к британцам, желали воспитывать детей по их правилам» [Богданович, 1987: 102–103].

И действительно, увлечение иностранными языками приводило иногда к странным результатам. С.Н. Глинка, обучавшийся в кадетском корпусе, даже «полюбя страстно французский язык <...>, затеял уверять, будто бы родился во Франции, а не в России» [Глинка, 1996: 74]. Еще интереснее сложилась судьба В.С. Печерина (1807–1885), человека, жизнь которого была похожа на приключенческий роман, и довольно трагичный: он блистательно окончил университет с перспективой прекрасной преподавательской и ученой карьеры, но предпочел трудную, полную невзгод и скитаний судьбу политического эмигранта, боготворил «книжную» Европу, разочаровался в ней при реальном столкновении, стал католическим священником, осознал ложность этого поступка через двадцать лет, но уже не имел возможности что-либо изменить в своей жизни, автор «Замогильных записок», написанных в конце жизни с мыслью о России. Так вот, Печерин, на закате своей жизни осмысляя пройденный путь, пришел к выводу, что начало его странствиям было положено в 12 лет, когда он твердо решил бежать во Францию, а решение это объяснял любовью к французскому языку, литературе и первому учителю-французу.

На необходимость распространять знания о своем отечестве обращалось внимание в самые разные эпохи. Действительно, порой знание других культур и стран у русского дворянина превосходило его знания о России. Тот же Глинка отмечал, что «мы знакомились с Америкой и американцами, а Россия все еще скрывалась от нас в каком-то отдаленном тумане» [Глинка, 1996: 76]. Все это плохо соотносилось с одной из важнейших функций образования — служением отечеству. В программы учебных заведений постоянно вводились те или иные предметы, направленные на распространение знаний о России. Пушкин отмечал, что «Россия слишком мало известна русским... Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою...» [Пушкин, 1949: 47].

И все-таки страхи эти в основном были напрасными. Да, в отдельные периоды в определенной части общества возникали чрезмерные, доведенные до абсурда увлечения иностранными языками, манерами, модами, но все-таки это не умаляло национального своеобразия, скорее, обогащало духовную и культурную жизнь страны.

Увлечение русских французской культурой в начале XIX в. вызвало массу насмешек и опасений. Но не только не остановило,

а может быть, и способствовало развитию и невиданному взлету национальной литературы и культуры. Выросшие на руках французских лакеев русские писатели мастерски владели русским словом, а композиторы создавали музыку, уходящую корнями в народное творчество. Мать Татьяны Лариной, томная и «офрануженная» в юности, в замужестве быстро превратилась в типичную русскую помещицу, блюстительницу русских традиций и порядков. Да и сама Татьяна, предпочитавшая писать по-французски, любила все-таки «русскою душою» и поступала совсем по-русски. В этом состоит, пожалуй, одна из загадок национального духа: язык, манеры, одежда – все иностранное, а суть, душа – русская. Прекрасную иллюстрацию этому дал Л.Н. Толстой в романе «Война и мир». Это знаменитая пляска Наташи Ростовской в доме своего дядюшки: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, – эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, – этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de chale* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русских, которых и ждал от нее дядюшка. Как только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страх, который охватил было Николая и всех присутствующих, страх, что она не то сделает, прошел, и они уже любовались ею».

«Мало ли что народы одни у других занимают и обращают в свое употребление. Английский вкус не столь особен, чтобы не мог принят быть от прочих, если только с натурою и разумом сходен», – писал в предисловии к произведениям Д. Локка один из первых отечественных профессоров Московского университета, просветитель и переводчик, Н.Н. Поповский [Поповский, 1985: 133]. Не потерю самобытности и народного духа означало особое отношение к иностранным языкам в России. Они несли знание, открывали мир, расширяли горизонты, давали возможность приобщиться к мировой литературе, удовлетворить присущую русскому человеку страсть к чтению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ансело Ф.* Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 48–49, 57–58.
2. *Бельчиков Ю.А.* Всякое изучение языка неизбежно имеет своим предметом самое культуру // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2007. № 4.
3. *Богданович И.Ф.* О воспитании юношества. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. С. 102–103.
4. *Глинка С.Н.* Записки. Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. Серия «Университетская библиотека». М., 1996. С. 74, 76.
5. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1959. С. 171.

6. Дюма А. Путевые впечатления в России. Соч.: В 3-т. Т. 3. М., 1993. С. 269.
7. Загряжская Т.Ю. «Веки идентичности» в межкультурном и языковом аспектах (от Прованса к Окситании) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 24–38.
8. Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 123.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. Т. 5. М., 1990. С. 167.
10. Мартынов И.И. Речь, произнесенная в Императорской Российской академии 23 марта 1807 г. // Современник. 1856. Т. 56. Кн. 3. С. 37–38.
11. Одоевский В. Соч. Т. II. СПб., 1844. С. 330.
12. Поповский Н.Н. Предисловие к переводу книги Д. Локка. Антология педагогической мысли XVIII в. М., 1985. С. 133.
13. Последний канцлер Российской империи. Александр Михайлович Горчаков. Документальное жизнеописание. А.Р. Андреев. М., 1999. С. 96.
14. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 46, 47.
15. Распутин В. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 292, 307, 308.
16. Соловьев С. Соч. Кн. 13: История России с древнейших времен. М., 1994. С. 542.
17. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: В 3 т. Т. 2. М., 1980. С. 237–238.
18. Тер-Минасова С.Г. Учитель, ученик, учебник в современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4.
19. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. М., 1973. С. 8, 30.
20. Шевырев С.П. Об отношении семейного воспитания к государственному. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. С. 344.
21. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно. Ч. 2. СПб., 1803. С. 863.
22. Brockett L.P. The Cross and the Crescent; or Russia, Turkey, and the Countries Adjacent, in 1876–77. Philadelphia, PA, 1877.
23. Mitchell M. Maria Mitchell: life, letters, and journals. Compiled by Phebe Mitchell Kendall. Boston, 1896.

Anna V. Pavlovskaya

FOREIGN LANGUAGES AND NATIONAL IDENTITY ISSUES

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; annapavl@mail.ru

Abstract. Foreign languages have always occupied a prominent place in Russia and Russian culture. Despite the apparent isolation from the outside world, Russia has always been closely connected with this world. And not only through obvious trade and political relations, but also by spiritual and cultural ties. The first significant reason for the spread of foreign languages in society was the adoption of Christianity, which brought not only a new faith, but the Greek language along with theological books. The entire subsequent history of the formation and development of the country, all the key historical epochs and events in Russia are in one way or another connected with the problem of the outside world, primarily with the European one — even in those cases, quite frequent in Russian history, when this world was rejected, criticized and was considered a necessary evil, from which it was

preferable to fence off with some kind of curtain. Over time, all new foreign languages spread in society, sometimes even entering into conflict: Latin with Greek in the theological field, German with French in the political field, French with English in the literary field. In certain historical periods, for example, in the first half of the 19th century, foreign languages even supplanted the native in a certain social environment and became a reason for unrest regarding the loss of national identity. And sometimes, such as during the Soviet era, these languages were deemed “dead languages”, serving solely as a tribute to tradition and a tool for reading. However, they always retained their important role, opening up new horizons for the Russian people and connecting them with the outside world.

Key words: Russian culture; Intercultural communication; history of education; national mentalities; interaction of cultures; foreign languages

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Pavlovskaya A.V. (2023) Foreign Languages and National Identity Issues. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3 (26), pp. 141–154. (In Russ.)

About the author: Anna V. Pavlovskaya — Dr. Habil. in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; annapavl@mail.ru.

REFERENCES

1. Andreev A.R. 1999. *Poslednii kantsler Rossiiskoi imperii Aleksandr Mihailovich Gorchakov: Dokumental'noe zhizneopisanie*. [The last chancellor of the Russian Empire. Alexander Mikhailovich Gorchakov. Documentary biography]. Moscow, Belyi volk. (In Russ.)
2. Ancelot F. 2001. *Shest' mesyatshev v Rossii*. [Six months in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 48–49, 57–58. (In Russ.)
3. Bel'chikov Yu.A. 2007. “Vsyakoe izuchenie yazyka neizbezhno imeet svoim predmetom samoe kul'turu”. [Every Study of Language Inevitably Has Culture Itself As Its Object.] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4. (In Russ.)
4. Bogdanovich I.F. 1987. *O vospitanii yunoshestva*. [On the education of youth]. In P. Lebedev (Ed.), *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii pervoi poloviny XIX v.* [Anthology of pedagogical thought in Russia in the first half of the 19th century] Moscow, Pedagogika, pp. 102–102. (In Russ.)
5. Brockett L.P. 1877. *The Cross and the Crescent; or Russia, Turkey, and the Countries Adjacent, in 1876–77*. Philadelphia, PA, Hubburd Bros., Publishers.
6. Glinka S.N. 1996. Zapiski. [Notes]. In V. Bokova & N. Tsimbaev (Eds.), *Zolotoi vek Ekateriny Velikoi: Vospominaniya* [Golden Age of Catherine the Great: Memoirs]. Moscow, Izdatel'stvo moskovskogo universiteta, pp. 17–167. (In Russ.)
7. Gogol N.V. 1959. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]. v 6 t. Moscow, p. 171. (In Russ.)
8. Dumas A. 1993. *Putevye vpechatleniya v Rossii*. [Travel impressions. In Russia]. Moscow, Ladomir. (In Russ.)

9. Kern A.P. 1989. *Vospominaniya. Dnevnik. Perepiska*. [Memories. Diaries. Correspondence.]. Moscow, Pravda. (In Russ.)
10. Klyuchevsky V.O. 1990. *Sochineniya*. [Collected works]. Vol. 5. Moscow, *Mysl'*. (In Russ.)
11. Martynov I.I. 1856. *Rech', proiznesennaya v Imperatorskoi Rossiiskoi akademii 23 marta 1807 g.* [Speech delivered at the Imperial Russian Academy on March 23, 1807.]. Moscow, *Sovremennik*, 56 (3), pp. 37–38. (In Russ.)
12. Mitchell M. 1896. *Maria Mitchell: life, letters, and journals*. Compiled by Phebe Mitchell Kendall. Boston, Lee and Shepard.
13. Odoevsky V.F. 1844. *Sochineniya knyazya V. F. Odoevskogo*. [The works of prince V.F. Odoevsky]. Vol. 2. Ivanov. (In Russ.)
14. Popovsky N.N. 1985. *Predislovie k perevodu knigi D. Lokka*. [Preface to a collection of writings by John Locke]. In M. Kondakov, Yu. Babanskii, & Yu. Vasil'ev (Eds.), *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v.* [Anthology of pedagogical thought in Russia in the 18th century]. Moscow, *Pedagogika*, pp. 132–134. (In Russ.)
15. Pushkin A.S. 1949. *Polnoe sobranie sochinenii*. [Collected works]. Vol. 11. Moscow, *Akademiya nauk SSSR*. (In Russ.)
16. Rasputin V.G. 1984. *Izbrannye proizvedeniya*. [Selected works]. Vol. 1. Moscow, *Molodaya Gvardiya*. (In Russ.)
17. Tolstoy L.N. 1973. *Sobranie Sochinenii* [Collected works]. v 12 vol. Vol. 4. Moscow, pp. 8, 30. (In Russ.)
18. Shevryev S.P. 1987. *Ob otnoshenii semeinogo vospitaniya k gosudarstvennomu*. [On the relationship of family education to state education]. In P. Lebedev (Ed.), *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii pervoi poloviny XIX v.* [Anthology of pedagogical thought in Russia in the 19th century]. Moscow, *Pedagogika*, pp. 338–345. (In Russ.)
19. Solovyov S.M. 1993. *Sochineniya v 18 tomakh*. [Collected works]. Vol. 13. Moscow. (In Russ.)
20. Suhomlinsky V.A. 1980. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya*. [Selected pedagogical works]. Vol. 2. Moscow, *Pedagogika*. (In Russ.)
21. Yanovsky N.M. 1803. *Novyi slovotolkovatel', raspolozhennyi po alfavitu, sodержashchii: Raznye v rossiiskom yazyke vstrechayushchiesya inostrannye recheniya i tehnicheckie terminy*. [New word explainer: Containing foreign phrases and technical terms found in the Russian language, whose meaning is not known to everyone]. *Pri Imperatorskoi Akademii nauk*. (In Russ.)
22. Zagryazkina T.Yu. 2020. *Vekhi identichnosti v mezhkul'turnom I yazykovom aspektah (ot Provansa do Oksitanii)*. ["Milestones of Identity" in the Intercultura and Language Aspects (from Provence to Occitania)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3. (In Russ.)
23. Ter-Minasova S.G. 2016. *Uchitel', uchenik, uchebnik v sovremennoi Rossii* [Teacher, student, textbook in today's Russia]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 130–138. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.01.2023;
одобрена после рецензирования 20.03.2023;
принята к публикации 22.03.2023

The article was submitted 16.01.2023;
approved after reviewing 20.03.2023;
accepted for publication 22.03.2023